

Александр Редько

ОН И ОНА

Александр Альбертович Редько

Он и она

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24118768

Он и Она. Повесть о любви: Издательский дом «Сказочная дорога»;

Москва; 2016

ISBN 978-5-4329-0096-8

Аннотация

В новой книге молодого, но уже хорошо известного читателям автора рассказана удивительная, искренняя история любви.

Что произошло между Им и Ей? Каким испытаниям подверглись их светлые чувства?

«Я люблю тебя, моя Женщина!» – восклицает главный герой и знает – Она его слышит...

Александр Альбертович Редько

Он и Она

Повесть о любви

© Редько А. А., 2016

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление,
2016

Милые женщины! Я вас люблю. Не ищите в героинях моей книги себя. Уверяю – все совпадения абсолютно случайны. Кроме одного – самого главного.

Александр Редько

Наталье В. посвящаю

В любви Она продолжала любить себя. Он, как это ни странно, любил её и эту любовь в себе. Они оба были такими разными, что, по сути, быть вместе вообще были не должны... Но они были. Он искренне и всем сердцем любил её. Она принимала его любовь и позволяла любить себя. Он мучился и переживал. Она говорила, что это – жизнь. И Она будет жить так, как захочет того сама.

Он внутренне сопротивлялся, но соглашался с ней. Просто потому, что считал тогда – Она хочет это слышать. И го-

ворил. Потому что очень любил. Очень. А ещё Он очень боялся её потерять, делая из-за этого страха одну ошибку за другой. Он постоянно искал в ней хорошее, говорил и писал ей об этом. Называл своей Королевой, а Она отвечала, что Он всё это придумал. Выдумал. Хотя, скорее всего, втайне гордилась этим. Он использовал малейшую возможность, чтобы рассказать ей о своей любви, показать её, подтверждая делами. А Она отвечала, что Он пугает её и что у него навязчивые мысли.

...Сейчас, сидя дома на кухне один, Он мучительно думал о том, что, может быть, не надо каждый день по много раз говорить женщине о своей любви? Может, и правда надо было быть более холодным и сдержанным? Надеть на свои чувства и мысли строгие «намордник» и «ошейник» и тоже, снисходительно улыбаясь, просто несколько приоткрываться, давать женщине почувствовать, что она ему небезразлична? Совсем чуть-чуть, самую малость. И снова захлопывать дверцу, как только женщина попробует туда, в эти чувства, войти?

Может, и правда надо держать женщину на коротком поводке, иногда отпуская его, а как только отойдёт она несколько дальше, чем было позволено, тут же грубо натянуть поводок, подтащить к себе эту женщину и сказать: «Люблю». Чтоб знала своё место. Может, может, может...

Он не мог так. Не мог по определению, потому что чувства распирали его, рвались наружу, и Он постоянно твердил

ей: «Люблю тебя, моё Солнышко!»

Сложилось так, что жили они в разных странах, и Бог ничего умнее не придумал, как поселить их за тысячу километров друг от друга, связать телефонной линией, предварительно сделав так, чтобы их пути три года назад пересеклись. Он зарабатывал и старался видеть её как можно чаще. Она именно в эти моменты была счастлива вместе с ним. Но там, где Она жила, у неё была работа, дом и прелестная дочь, которую с младенчества воспитывала сама, без мужа. И всё же в те дни, когда они были вместе, Она была счастлива. Счастлива... Или ему это только казалось? А может, Бог был настолько прозорлив, что, поселив их за тысячу километров друг от друга, сохранил ему жизнь, избавив от необходимости ежедневно проходить мимо её дома после разлуки и видеть свет в её окнах? Или, что ещё хуже, – силуэт другого мужчины в проёме её окна? А ей дал возможность наконец понять, что мужчина действительно может искренне и очень сильно любить?

Не надо больше ломать копыя, придумывать и искать ответы на вопросы, чего хочет женщина и как её понять. Скорее всего, женщин по психологическому типу в отношениях с мужчинами условно можно разделить на две категории – «собака» и «кошка».

«Собака»: «Он – хозяин в доме, в жизни – везде. Он – друг, любимый, самый лучший мужчина на свете, и я беззаветно предана ему. Я люблю его не за что-то, а потому что.

Просто потому, что он есть в моей жизни. Просто потому, что я уверена в нём. Просто потому, что не предаст, не унижит и не ударит. Я люблю его! Он – хозяин».

«Кошка»: «Я позволяю себя любить. Я милая, нежная, ласковая и красивая. Но если хоть что-то не так, я могу выпустить свои острые коготки и больно оцарапать. Я знаю, что на меня не рассердятся, меня не ударят, просто будут осмотрительнее и станут ещё больше любить. Я гуляла и буду гулять сама по себе, и никто мне не указ. Я не привязана к хозяину и буду делать только то, что захочу и что решила сама. Но иногда я буду делать вид, что советуюсь и даже соглашаюсь с тем, с кем я живу. Это просто! Надо только, время от времени ласково заглядывая ему в глаза, немного поурчать. Это стимулирует его любовь ко мне! Я своенравна и своевольна. Мне хорошо с собой, а когда всё же бывает плохо и одиноко, конечно, я прыгну ему на колени и даже позволю себя погладить. Ведь он так любит меня! Но когда я успокоюсь и отогреюсь, я снова буду жить так, как захочу. Ведь хозяйка здесь я!».

...Она очень любила цветы. Для него было откровением, что столь роскошная и красивая женщина безумно любит простые васильки. После полугода общения по телефону, в октябре 2008 года, Он безуспешно метался по Московскому вокзалу Санкт-Петербурга от одного цветочного магазина к другому в надежде найти васильки. Он готовился к их первой личной встрече. До этого Он видел её только на экране

телевизора. Она вообще не представляла, как выглядит Он. И вот уже совсем скоро поезд должен был наконец-то привезти её. А надежда найти васильки таяла на глазах. Тогда, не придумав ничего более удачного, Он купил цветок, который внешне напоминал василёк, как стрекоза может напоминать боевой вертолёт. Сходство было в одном – в небесно-голубом цвете. Большая длинная зелёная ножка, на которой сверху красовался синий шар, размером несколько превышающий бильярдный. В компьютерном магазине Он упрости продавца напечатать на листе текст: «Этот василёк вырос в Санкт-Петербурге к твоему приезду». И, вложив послание в фольгу, в которую был упакован «василёк», Он с внутренним трепетом, но с гордо поднятой головой двинулся на перрон, так как только что объявили, что поезд, который Он так долго ждал, прибывает.

Она вышла из вагона. Он протянул ей «василёк»... Их глаза встретились, и Он понял, что пропал. Сердце билось так, что готово было выскочить из груди. В душе играл симфонический оркестр. Он понял, что влюблён. Окончательно и бесповоротно.

...Она очень любила цветы. Когда было невозможно достать васильки, Он дарил ей розы. Он помнил дни, когда Она приезжала в Москву на форум, и тогда целых пять дней они были вместе. И снова васильков было не достать. Он, ожидая прихода поезда, бродил туда-сюда по перрону с красивым букетом длинных бордовых роз в руках. Он любил её

удивлять.

И на этот раз к её приезду, помимо букета, у него было приготовлено ещё кое-что. Минуты, оставшиеся до прибытия, тянулись и казались вечностью.

Но вот и поезд! Медленно, словно нехотя, громыхнули тормоза, и состав наконец остановился. Туда-сюда сновали люди. Встречающие, приезжающие... И как только Она появилась в проёме вагонной двери, Он высыпал из пакетов на перрон, к её ногам, лепестки роз. Это было красиво! Не просто горсть лепестков, смятых в ладони и брошенных на землю, а много-много! Разных – бордовых и ало-красных, белых и жёлтых. Люди, расступившись, с умилением смотрели на происходящее, а Он, не отрывая глаз, глядел, как гордо и величаво ступает по ковру из лепестков его Женщина. Его Королева! Где Он собрал столько лепестков? А какая, в конце концов, разница? Главное – это желание делать что-то приятное для своей Женщины. Главное – это то, что можно будет вспоминать. Главное – память.

...Она очень любила цветы. Ему всегда нравилось видеть её счастливые глаза, когда Он дарил их ей. В эти минуты Он был по-настоящему счастлив. Разве не настоящее это счастье – видеть глаза любимой Женщины счастливыми?

Но они жили за тысячу километров друг от друга! И Он посылал ей цветы домой, договорившись о доставке с хозяйкой цветочного магазина, который был рядом с её домом.

Он сильно скучал. Сильно. И когда тоска достигала своего

апогея, звонил в цветочный магазин и заказывал букет для своей Женщины.

Она очень любила эти моменты и писала ему в СМС: «А мой Мужчина подарил мне роскошный букет! Спасибо тебе, мой хороший!» Она искренне восхищалась этими цветами. «Погляди! Как они красиво смотрятся в моей комнате!» Фотографировала их и отправляла ММС ему. Проходило время, и Он снова получал сообщение:

«Я была на работе, а когда пришла домой и открыла дверь, почувствовала, что запах роз наполнил всю квартиру, я даже подумала, что это ты приехал ко мне!»

Наступал вечер, и ещё СМС: «За окном темно. Я одна в комнате. Передо мной – твои цветы. Мне сейчас очень одиноко, но я смотрю на них и чувствую, что ты, невзирая на расстояние, – рядом. Спасибо тебе за это, мой Мужчина!»

Когда Он читал «мой Мужчина», то был на седьмом небе от счастья. Значит, Он нужен ей! Значит, Он не зря верил, что в мире есть женщина, которая полюбит его! Он и правда был счастлив. И продолжал посылать ей букеты. По поводу и без...

Но постепенно её восторг начал утихать. И его цветы уже не так восхищали её. Может, просто стали не нужны?.. Кто знает?.. В ответ Она писала коротко: «Спасибо, приятно». Но даже тогда Он был счастлив. От простого «приятно». Где оно теперь, его счастье?

В очередной её приезд в Москву они гуляли по Старому Арбату. Октябрь, было уже холодно. Они заходили в кофейни и грелись, глядя в глаза друг другу и сжимая ладонями чашки с ароматным горячим кофе. Никак, никак Он не мог запомнить, какой кофе Она любит! Американо с двойными сливками был для него, как синусы и косинусы для воспитанника детского сада. Офицер запаса, Он до сих пор наизусть помнил названия и характеристики стрелкового оружия и боевых машин, но американо с двойными сливками... Он забывал – и всё тут! Иногда это раздражало её. Ещё бы! Ну как можно забыть название любимого напитка любимой Женщины?! И в эти моменты Он чувствовал себя очень неловко. Смущался и начинал оправдываться. А надо ли было делать это? Он не притворялся и не играл. Он был таким. Огрубевший душой на своей войне, не пасовавший перед трудностями, а порой даже перед смертельными опасностями, Он пасовал перед ней. Смущался. Путал слова. Он не боялся её. Он боялся другого – обидеть! Не то что делом, – даже словом. Неумело, по-дурацки.

В его жизни было много женщин. Может, даже больше, чем нужно, и опыта общения с ними было тоже хоть отбавляй. У него не было опыта в любви. Вернее, был, но такой мизерный, что, читая классиков, Он восхищался, как они, классики эти, любили! Одну, другую, пятую, десятую... Науку любить Он начал постигать с ней. Его Женщиной. И делал ошибки. Одну за другой. Но как научиться, не ошибаясь? На ошибках других? Чушь какая-то! И корил Он себя за свои ошибки. И ругал. Надо ли было? Но Он любил. Учился любить. Был предан душой и телом своей Женщине, даже находясь за тысячу километров от неё.

...Разбилось зеркало. И сейчас Он смотрел на тысячи осколков на полу и видел в них только себя одного.

А тогда, тогда... Тогда они сидели в кофейне, пили горячий кофе и смотрели друг другу в глаза. А на Арбат опускался холодный и тёмный октябрьский вечер. И вдруг Он понял, что Она, больше суток проведшая в поезде, очень устала. Как же Он раньше не догадался, кретин!

Расплатившись с официанткой, они, взявшись за руки, вышли из тёплого и уютного кафе в бурлящую людьми, холодную московскую суету. И здесь их взгляды остановились на женщине, скромно стоявшей под красивым арбатским фонарём. Она продавала... «Васильки!!!» – их голоса про-

звучали одновременно. Васильки, васильки, васильки! Чудо, которое, по определению, в конце октября в промозглой Москве было практически не достать, лежало в руках замёрзшей женщины и смотрело на них синими глазами лепестков. Он купил васильки. Она взяла цветы и, глядя на него, прошептала: «Спасибо тебе, мой хороший!» За этот взгляд, за эти слова Он готов был на многое! Так, как умела ласково смотреть Она, как умела сказать, – не могла больше ни одна женщина в мире. Ни одна! И каждого, кто посмел бы сейчас оспорить его мнение, Он был готов вызвать на поединок. Потому что любил её. Любил безумно.

* * *

Но они были настолько разными, что, по определению, быть вместе не должны были никогда... Но они были. Что их удерживало? Что тянуло друг к другу? Когда они встречались, Он любил готовить ей завтрак. Волшебными казались ему моменты, когда Она просыпалась. Волшебными! Он очень любил гладить пальцами под одеялом её тёплую спинку, ощущать нежную бархатистость её кожи и не просто видеть, а внутренне ощущать, как Она медленно просыпается. Открывает глаза, поворачивается к нему, обвивает его шею руками, улыбается и нежно прикасается губами к его губам.

От жизни ей досталось по полной программе, но Она, эта

маленькая и хрупкая на вид женщина, боролась, выстояла и победила. Достаточно ему было вспомнить рассказ её брата о том, как Она, беременная, оставшись без поддержки мужа, продавала в лютый мороз на рынке кисточки для побелки. Просто потому, что не на что было купить даже молока и хлеба. Холодок пробежал по его коже, и ему хотелось обнять свою Женщину, закрыть грудью от всех бед и несчастий, уберечь, оградить и... любить! Заботиться о ней и её прелестной дочери, стать им опорой и защитой и просто жить вместе с ними и ЛЮБИТЬ!!!

Но Она не хотела простого женского счастья. Это было не совсем то, чего Она желала. Привыкнув в жизни добиваться и достигать всего сама, Она не могла пока соединить вместе две составляющие – женское счастье и самореализацию. Эти два понятия у неё ещё никак не могли сложиться в единое целое. Пока не могли. Видимо, на все нужно время. И Он готов был ждать. Ждать, ждать и ждать!!! Сколько? Долго. А насколько долго, было известно только Тому, Кто задумал соединить их жизни и судьбы вместе, но поселил за тысячу километров друг от друга. Поди разберись в Его планах!

* * *

Он никогда не думал, что расставание может быть таким болезненным и мучительным! Словно по живому, полоснули острым лезвием, отрезали кусок плоти, и кровоточащая рана

болит, ноет и никак не хочет заживать.

Ему почти никогда не снились сны. А может, и снились, но Он их не запоминал. А тут, как назло, каждую ночь его подстерегал один и тот же сон. Красивая и стройная, его Любовь стояла босиком на берегу синего моря. Тихий прибой бережно ласкал её маленькие и нежные ступни. Она улыбалась самой очаровательной улыбкой на свете и протягивала к нему руки. Он бежал, тянулся к ней, и, когда, уже задыхаясь, почти касался её пальцев, Она вдруг начинала отодвигаться от него и уносилась, тая, по поверхности моря за горизонт. Он падал на мокрый песок и именно в этот момент просыпался.

Проснувшись и продолжая задыхаться, долгое время не мог понять, где Он. Лёжа в полной темноте один на кровати, не мог осознать, где сон, а где реальность. Часы на стене в эти моменты почему-то всегда показывали половину третьего ночи, и Он уходил на кухню, включал электрический чайник и до утра пил горький, крепко заваренный зелёный чай, курил и не мог уже заснуть. Эти часы до рассвета были для него самыми мучительными. Он подгонял время, торопил его, с нетерпением ожидая, когда на улице хоть немного начнёт светать. Когда можно будет уйти в свой офис, чтобы заняться работой и текущими делами. И это было для него тогда спасением от бессонных, давящих своей пустотой и одиночеством ночей. Никогда! Никогда Он и представить себе не мог, что расставание со своей Любовью может быть таким

болезненным и мучительным!

В его жизни бывало всякое. Уходил Он, уходили от него. Это было больно всегда, но так, как в этот раз, – впервые. «Скорее всего, – думал Он, – с годами это и должно ощущаться острее и сильнее». Хотя многие его сверстники, женатые уже по три-четыре раза, женились и разводились без видимых терзаний, а при встрече могли ещё и похвастаться: «Послал я и эту дуру! Взял с ребёнком, „спасибо“ говорить всю жизнь должна, так нет! То не так, это не так!» Он пытался им объяснять, что женились они не на домработницах и горничных, а на женщинах, тоже побитых жизнью, а многие – и бывшими мужьями. Что главное – это большая и взаимная любовь, и если она есть, все неприятности можно пережить, а иногда – и мудро промолчать, не вступая в конфликт.

Его приятели смотрели на него в эти минуты как на полоумного. «Любовь? Кака така любовь? Ноги должна мыть и воду пить. С ребёнком ведь взял! Да там ещё и ребёнок не подарок. А как бы в нагрузку. Хоть бы бабки-дедки к себе жить взяли! Достал!»

И Он перестал с ними спорить. Зачем? Если женились они только для того, чтобы рядом просто кто-то был. Неважно кто. Главное, чтобы жена стирала, убирала, готовила и «давала». Вот и вся психология.

«А как же Омар Хайям с его „И лучше будь один, чем вместе с кем попало“?»

«А кто этот Омар Хайям? Таджик, узбек? Гастарбайтер?»

Без комментариев. Пусть сами строят свою жизнь. А для него совместная жизнь без любви просто не укладывалась в голову. Правда. Без любви вместе можно только существовать. Жизнь пройдёт мимо. Или ты мимо неё.

И сразу же, как по мановению волшебной палочки, перед его мысленным взором возникала та, которую Он любил и продолжает любить. Искренне. Сильно и беззаветно. Она всегда предстала перед ним безумно красивая, лёгкая, воздушная, вся неземная, такая родная и... уже не его Женщина. Такая... И сердце сжималось, словно безжалостными тисками, и Он судорожно начинал искать себе хоть какое-нибудь дело, чтобы забыться. Хоть на час. Хоть на минуту. Хоть на миг.

В какие-то моменты ему становилось страшно за свою психику. Он бродил в одиночестве по опавшей листве городского парка. Навстречу ему то здесь, то там не спеша или, наоборот, обгоняя друг друга, шли или бежали влюблённые пары. В обнимку, тесно прижавшись или просто держась за руки, – они были везде. Они смотрели друг на друга, болтали ни о чём или о чём-то для них очень важном, целовались, а Он глядел на них, и боль его постепенно отступала. Жизнь продолжалась! И миром правила огромная, всеобъемлющая и такая прекрасная ЛЮБОВЬ!!!

В первые месяцы после их расставания Он не мог и не хотел идти домой. До последней минуты старался оттянуть момент, когда за ним защёлкнется замок входной двери. Он по-

нимал, что вечером, закрыв за собой дверь квартиры, снова останется один на один со своими мыслями. Что ляжет спать и во сне снова увидит её. И снова Она будет стоять, красивая и воздушная, босиком на берегу ласкового моря, снова тихий прибой будет ласкать её маленькие изящные ступни. Снова и снова Она будет улыбаться и протягивать к нему руки... И Он снова, задыхаясь, проснётся... И часы на стене опять будут показывать половину третьего ночи... И до рассвета Он будет пить на кухне горький, крепко заваренный чай, и пепельница его к утру будет полным-полна.

* * *

Он умел держать себя в руках. Многие его знакомые называли это замкнутостью. Он знал, что это – выдержка. Он научился сдерживать свои чувства и эмоции на войне. Почти три года в пламени Афганистана – это не шутка. Сейчас, оставшись один, Он почему-то очень отчётливо вспоминал дни своей боевой юности. Он был молод и горяч...

Когда сдавал государственные экзамены в старейшем в стране высшем военном училище, получил письмо от своего отца. Потрясённый, Он вертел в руках фотографию, на которой его родной человек стоял с автоматом, в каске и бронежилете. Кабул, апрель 1986 года. Он уже знал, что после присвоения ему первого офицерского звания «лейтенант» по распределению должен был уехать служить в Венгрию.

Западная Европа в те годы для людей, живших в СССР, ассоциировалась с чем-то несбыточным. Красивое, манящее, но такое запретное, что для многих мечта побывать за границами Союза так и оставалась несбыточной мечтой на всю жизнь. В те годы страна любила и уважала свою армию.

Его друзья, будущие офицеры, строили планы и влюблялись, многие из них уже успели жениться. Некоторые даже имели детей. Он оставался холостяком. Нет, конечно, у него была девушка, и, как ему тогда казалось, у них – очень серьезные отношения. И планы большие. И были они таковы.

После выпуска из училища они едут отдыхать на Чёрное море, в военный санаторий, путёвки в который достались ему по большому благу и при помощи отца. Затем Он уезжает в Венгрию один, обустраивается, вливается в офицерскую жизнь, а на следующий год, приехав в отпуск, женится и возвращается к месту службы уже с молодой женой.

...А сейчас Он, потрясённый, вертел в руках фотографию своего отца, присланную из Кабула, и снова и снова перечитывал его письмо.

Письмо офицера и человека, которого безмерно любил, уважал и чтил: «Сын! Я направлен служить в Афганистан. Будь молодцом! За меня не волнуйся...»

В этот же день Он круто изменил своё решение. Написал рапорт и, пройдя по всем вышестоящим инстанциям и собрав подписи «Не возражаю», ожидал приёма генерала. Начальника училища. Три раза его рапорты разрывались на

мелкие кусочки и летели на пол. Три раза топал сапогами генерал. Он с удивлением каждый раз узнавал о себе много нового. Что дурак и идиот. И это были, пожалуй, самые мягкие и безобидные слова из всего, что Он выслушал в те дни. И упрямо стоял на своём. «Бог троицу любит» – не сработало. Только на четвёртый раз рапорт с просьбой направить его после выпуска из училища для прохождения дальнейшей службы в Афганистан был удовлетворён. Напутствуемый словами «иди отсюда, придурок!», Он, счастливый, вышел из кабинета начальника училища. Из его родных ещё никто не знал, куда Он, «придурок», собрался. Никто. Вплоть до памятного дня. Торжественного дня выпуска.

Это было поистине красиво! Жарким июльским днём в Мемориальном парке собрался, казалось, весь город. Триста пятьдесят молодых лейтенантов в новой, сшитой каждому на заказ, парадной форме, с золотыми погонами, в начищенных до блеска сапогах, стройными рядами, повзводно и побатарейно, стояли, ожидая момента, когда будут вручены дипломы. Четыре года, сроднившие этих молодых парней, завершались сегодня. Четыре года они упрямо шли к своей цели, преодолевая трудности учёбы и армейской жизни. Четыре года они шаг за шагом приближались к сегодняшнему дню, чтобы пополнить ряды офицерского корпуса и разлететься по стране и за её пределы, чтобы больше не увидиться, возможно, никогда. Одиннадцать из трёхсот пятидесяти уезжали в Афганистан. Вернулось их меньше. Из тех, кто вер-

нулся, половина – калеки. И те и другие были покалечены морально. Но тогда, в тот яркий и жаркий июльский день, они не думали об этом. Они были счастливы. И еще все живы.

Сзади выпускников яблоку было негде упасть. Родные и близкие, знакомые и друзья, любимые и жёны... Их было в десятки раз больше. Город любил своё училище, своих курсантов. Эта огромная, празднично одетая масса людей с цветами колыхалась, как необыкновенно яркий и красивый океан. Гремел военный оркестр, и вся атмосфера была настолько гармоничной, что у каждого из трёхсот пятидесяти в душе пели райские птицы.

«Мы это сделали! Мы – офицеры!»

Согласно уставу строевой службы, начальник училища принял рапорт и поднялся на трибуну. Их поздравляли руководители города, ветераны войны и видные военачальники. Выступавшие сменяли друг друга, а по его спине тёк пот. Не от жары. Сзади строя стояли его мама и та, с которой он хотел связать свою будущую жизнь. Они ведь до сих пор думали, что Он едет служить в Венгрию!

И вот настал момент, когда выпускникам начали вручать дипломы. Из громкоговорителей на весь Мемориальный парк неслось: «Дипломы вручаются выпускникам, направленным для прохождения дальнейшей воинской службы в группу советских войск в Германии!»

Дальше звучали фамилии:

– Лейтенант Иванов!

– Я! – раздавалось из строя.

И очередной выпускник, чётко печатая шаг, выходил из строя, докладывал по форме, получал диплом и нагрудный знак об окончании высшего военного учебного заведения, резко поворачивался кругом. Становился в строй.

«Дипломы вручаются выпускникам, направленным для прохождения дальнейшей службы в группу советских войск в Чехословакии!.. Польше!.. Венгрии!..»

Словно у него на затылке были глаза, Он увидел недоумение, написанное на лицах своей мамы и девушки, когда его фамилия опять не прозвучала. Его так и распирало обернуться, ободрить, но делать этого было нельзя. Нельзя нарушать целостность и единство строя этими поворотами.

«Дипломы вручаются группе выпускников, направленных для прохождения дальнейшей службы в Московский военный округ!.. В Одесский военный округ!.. В Прикарпатский военный округ!»

Его фамилии не было ни в одном списке.

«Дипломы вручаются группе выпускников, направленных для выполнения интернационального долга в Республику Афганистан!»

И вдруг вокруг стало тихо. Тихо так, что было слышно, как шуршат складки на праздничных платьях девушек. Его вызвали по счёту седьмым. Как Он шёл до стола – из памяти стёрлось, но, получив диплом, лихо повернувшись кругом

и сделав первый шаг к строю, Он увидел, как его девушка положила на скамейку цветы и, проталкиваясь сквозь толпу, ушла из парка.

А дальше... А дальше было прощание со знаменем прославленного училища, когда по команде триста пятьдесят молодых лейтенантов, сорвав с головы фуражку и бросив её на изгиб локтя левой руки, преклонили правое колено. А дальше был торжественный марш, и в воздух летели металлические рубли.

Они рассыпались, звеня, по асфальту, гармонично дополняя грозный и торжественный стук начищенных до блеска сапог, впечатываемых в асфальт стройными рядами лейтенантов. А дальше Он увидел свою маму. Она плакала и улыбалась. Она гордилась и жалела его, неразумного, одновременно. Но больше – гордилась. Своим сыном. И своим мужем. Настоящими офицерами. Она была просто женщина. Жена и мать офицеров. Настоящая жена и мать.

А дальше – выпускной вечер в ресторане. Раскрасневшиеся от множества событий, произошедших за день, ребята сидели за столами. Они были счастливы.

Рядом с каждым из них сидела девушка или уже жена, а Он был один.

Около десяти часов вечера его друзья вдруг смолкли и уставились на лестницу, которая вела в зал ресторана. Повернулся в ту сторону и Он.

В зал вошла его бывшая девушка. Великая актриса, ко-

нечно, в ней пропала, но она улыбалась, поздравляла ребят, извинялась за опоздание. Ей освободили место рядом с ним. Лихо опрокидывая рюмку за рюмкой, она говорила ему, что если Он ещё надеется на какое-то продолжение отношений, то зря. Она не намерена ждать его оттуда. Что Он дурак и псих, что сам разрушил всё, что она якобы создавала... Слова лились потоком, который остановить было нельзя. Да Он и не собирался. Он хотел поскорее уйти домой и отдохнуть.

В зал с поздравлениями вошли несколько майоров и подполковников – преподаватели военных кафедр. Ансамбль играл всё громче и громче популярные тогда мелодии, и она, его бывшая девушка, танцевала то с одним преподавателем, то с другим. Через час один из них увёз её, довольно-таки пьяную, на своей машине. Он просто наблюдал за этим спектаклем и не вмешивался. В этот вечер Он понял, что был ей не нужен. Ей нужна была Венгрия – красивая жизнь, уважаемый в те годы статус жены офицера. Она не хотела ездить с ним по гарнизонам. Она хотела ярко и весело жить. Перед тем как сесть в машину и укатить, она сказала ему на прощание, что настоящие мужчины не судьбу на войну едут испытывать, а устраивают свою жизнь. И погладила лакированный бок «Волги», закрывая за собой дверцу. Что было в его душе в тот момент? Ничего. Пустота. И какая-то лёгкость освобождения от ошибки, которая могла искалечить его дальнейшую жизнь.

Настоящие мужчины не плачут. Настоящие мужчины хмурятся, сердятся, огорчаются, кривят губы и физиономию, но не плачут... Бред! Какой бред! И вот Он, идиот идиотом, на определённом этапе своей жизни решил стать настоящим мужчиной. Почему? Зачем? На то были тогда свои причины. И по скудости ума на тот период Он не придумал ничего лучшего, чем взять за основу стереотипы, как ему казалось, настоящего мужского поведения, коими изобиловали заканчивающиеся девяностые.

Отвоевав в Афганистане, поскитавшись по гарнизонам, честно выслуживший майорские звёздочки и не очень честно выброшенный своим государством – которому присягал на верность, за которое воевал – на нищенскую пенсию в тридцать три года, Он, ничего не имея за душой, кроме камуфляжа и армейских полуботинок, открыв от изумления рот, наблюдал за жизнью настоящих, как Он тогда считал, мужчин. Солдат до мозга костей, Он, всю жизнь – с младенчества – живший в армейской среде, ничего не знал о гражданской жизни. А о том, как зарабатываются деньги в этой среде, – и подавно! Он умел воевать и служить. И получать за это скудное жалованье. Слово «получка» Он ненавидел уже, а зарабатывать не научился ещё. Именно поэтому, идя на поводу укоренившихся в мозгу убеждений типа «А что я ещё могу?

Что умею?», устроился охранником в казино. Рабочей формой одежды были рубашка, костюм и галстук. Порывшись в своих старых вещах, Он нашёл и первое, и второе, и третье. Советского образца вещи, невостребованные долгие годы, стали малы и убого сидели на нём, вызывая в душе немой протест, который становился день ото дня громче и громче.

Причина была проста. Заходя во время редких выходных дней в магазины мужской одежды, Он видел дорогие современные костюмы. Трогал их руками, втайне желал их, боясь кому-либо рассказать об этом, чтобы не показаться жалким и смешным «мужчинкой», неспособным удовлетворить своё даже столь скромное желание. Но... Одного взгляда на ценник хватало, чтобы ухмыльнуться горько, криво улыбнуться продавцу, соврав, что вещь не нравится, – и уйти. Господи! Как же не хотелось уходить!!! Хотелось надеть костюм, небрежно и одновременно изящно завязать узлом модный галстук на новой и такой белоснежной рубашке. Красивым жестом достать кожаный дорогуший и пухлый от купюр бумажник, небрежно отсчитать деньги и с достоинством покинуть магазин под прощальные улыбки продавцов и «Заходите к нам ещё! Всегда Вам рады».

Ему в те годы в таких магазинах были не рады. Зарплаты охранника, если ограничить себя во всём, тогда еле-еле хватило бы только на половину галстука. И Он молчал. Молчал и терпел. Терпел, молчал и тупо ходил дежурить в казино. В то самое место, где вечерами собирались мужчины именно в

таких костюмах, которые были ему тогда не по карману. Их сопровождали красивые, модно и богато одетые женщины. Город, в котором Он теперь жил и работал, был родным.

Поэтому многих мужчин Он знал лично. Многие знали его. Помнили, каким удалцом Он приезжал в отпуск из Афганистана! Он тоже помнил. Вещи, одежда, которых в Советском Союзе тогда было просто не достать! Деньги, которых в СССР не платили, и... Он очень весело проводил с ними время! Общался на равных, закатывал шумные вечеринки в ресторанах. Сейчас эти мужчины, приходя в казино, смотрели на него свысока, небрежно протягивая руку. Многие не здоровались вообще, пряча взгляд. Хуже было другое. Некоторые из сопровождавших их женщин тоже были ему знакомы, и взгляды их Он не может забыть до сих пор. В самых приветливых из них можно было прочесть: «До охранника опустился!» В самых неприветливых: «Ничтожество!» А ему надо было вежливо здороваться и мило улыбаться. Злоба копилась в нём. Росла. На кого? На себя.

Слава Всевышнему, что уже тогда Он понимал, что есть два пути. Первый – оставить всё как есть. Второй – начать что-то делать для себя. Работать на себя. Перестать гнуть спину на чужого дядю, взять себя в руки и начать пахать. Он был готов ко второму пути, но... Он не знал, с чего начать. И продолжал во внутреннем диалоге с самим собой опускаться всё ниже и ниже. Осуждать за никчёмность своего существования, безынициативность, трусость, боязнь сделать

первый шаг. Незнамо куда, но сделать!

Дошло до того, что Он стал избегать встреч в казино со знакомыми и упросил хозяина перевести его из центрального и привилегированного зала на задворки. На улицу. Там и слонялся из одного угла парка в другой, стараясь как можно реже попадаться на глаза состоятельной, нарядно одетой публике. Мужчинам и женщинам. Женщинам, называвшим своих мужчин настоящими.

Догадываясь, какие суммы проигрываются в 99 процентах случаев в казино, каждый раз после получения очередной мизерной зарплаты Он доводил себя почти до психического срыва. Абсолютно не зная ничего о происхождении этих денег и имея правильное советское воспитание – зарабатывать надо честно, – Он ума не мог приложить – как? Как зарабатывают мужчины деньги? Он встречал в городе своих бывших сослуживцев, пока ещё, как и Он, осваивающих азы гражданской жизни и, как и Он, устроившихся на работу охранниками. «А что ещё мы можем? Что умеем?» А Он хотел мочь. Он уже захотел уметь. А ещё Он очень хотел, чтобы его называли настоящим мужчиной. Но где он, этот музейный экспонат? Где он, эталон настоящего мужчины? В каких лабораториях выведен, в каких бюро запатентован? Сколько должен зарабатывать? Много? А сколько это – много? Сколько, чтобы тебя хоть раз женщина, которая рядом, назвала настоящим? От вопросов пухла голова. Трещала и болела. И вроде бы вот он, ответ: мужчина на красивой и до-

рогой иномарке, с иголки одетый, с деньгами, положением, женщина красивая и ухоженная – рядом. Жмётся к нему, прильнула, в глаза смотрит, говорит: «Ты самый лучший! Ты самый настоящий мужчина в моей жизни!» Он это видел и слышал, но... Что-то не срастлось в мозге. Пазлы не складывались. То ли оттого, что взгляд женщины был больше заискивающим, чем откровенным, то ли оттого, что мужчина смотрел на свою женщину как-то свысока – как на вещь, которую не завоевал, а купил... И просто пользуется... Он не хотел так. Хотел по-другому. Как – не знал. Но хотел. Стать настоящим. Без кавычек.

Из казино Он уволился. Его не хотели отпускать. Молчаливых, прилежных исполнителей чужой воли просто так, на дороге, найти проблематично. Он в то время был именно таким. Армейское воспитание. А фраза «Приказ командира – закон для подчинённых» была не просто заучена назубок – Он перенёс умение беспрекословно подчиняться в гражданскую жизнь. Не лебезить и угодничать, а выполнять приказы. Первую заведённую на него трудовую книжку ему так и не вернули. Приказ об увольнении не подписали. Намекнули, что, если Он уйдёт, деньги за последний отработанный месяц не выплатят. Он ушёл. Без денег. И без трудовой книжки. Просто ушёл. Пока ещё в никуда.

Не зная, чем занять себя, каждое утро уходил из дому, брал у знакомого продавца газет свежую прессу напрокат, так как денег, чтобы купить несколько изданий, просто не

было. Аккуратно, сохраняя товарный вид, выписывал из колонок «требуется» адреса и телефоны московских работодателей, отдавал газеты со словами благодарности своему знакомому. Он в тот момент почемуто всегда качал головой и цокал языком. А Он шёл в административный центр. Там работал брат его одноклассницы, который ещё раньше, войдя в положение, сказал: «Приходи. Звони. Но аккуратно. Чтобы начальство не видело». И Он приходил. Он мог бы звонить из дому. Но одна мысль о том, что его родители в этот трудный период, как и для многих других, будут вынуждены оплачивать его междугородние переговоры, угнетала. Он понимал, что сидеть и ждать манны с небес глупо. Занимать и тратить на свою жизнь чужие деньги – безрассудно. Даже хорошие знакомые в тот период не давали займы просто так. Оговаривались проценты, и это было нормально.

Страну наполняли импортным алкоголем и косметикой. К тому времени его отношение к алкоголю уже стало крайне негативным. А вот нескольких женщин, работавших в иностранных фирмах по продаже недорогой косметики и парфюмерии, Он знал лично. И их мужей. Дорогие иномарки... И по их виду можно было сказать – они в полном порядке!

Именно тогда во взятой напрокат прессе Он наткнулся на объявление: «Зарубежная элитная косметика. Требуются менеджеры. Испытательный срок. Быстрый карьерный рост. Высокая стабильная зарплата».

Менеджеры... Такое манящее иностранное слово, ласка-

ющее слух... Это теперь Он знает, что секьюрити – это охранник, сторож, а менеджер – по сути своей продавец, а тогда... Он уже видел себя именно в том желанном дорогом костюме, в белоснежной рубашке с элегантно завязанным узлом на модном галстуке. На встречу в Москву Он поехал в одежде советского образца. Хотя она и была старой и убогой, но это было лучшее в его гардеробе на тот момент.

Соискателей на должность менеджера и охочих до высокой и стабильной зарплаты оказалось около тридцати человек. И среди восемнадцати двадцатилетних девушек и парней, ярко и модно одетых, Он чувствовал себя, мягко скажем, очень неловко. На собеседовании молодой человек бодренько и с гордостью вещал о преимуществах работы в этой компании. «Менеджер... И уже, наверно, давно...» – с завистью подумал Он. Высокомерие и пафос не смущали. За годы службы Он насмотрелся на генеральских сынков-выскочек, которые «без подпорки» были «ноль без палочки».

Затем с каждым беседовали индивидуально. Молодые люди выходили один за другим с сияющими лицами, держа в руках какие-то яркие большие пакеты. Когда Он вошёл в эту комнату последним, оказалось, что, для того чтобы получить пакет с продукцией для продажи в определённом районе Москвы, в залог надо было оставить паспорт, которого на тот момент у него не было. Тогда требовалось немало времени, чтобы обменять удостоверение личности офицера на паспорт. А на предложение оставить удостоверение ветерана

войны Он ответил отказом. Это было святое.

Его взяли. На испытательный срок. До получения паспорта. Продукцию, конечно, под честное слово не доверили, но доверили... «бутерброд». Чтобы было понятно – это два листа фанеры с рекламой, скреплённые между собой в двух местах верёвкой, которые надевают через голову на плечи. Что надо делать? Просто ходить по определённому на каждый день маршруту, раздавая прохожим яркие листовки. Он не боялся трудностей. Но это было для него настолько унижительно! Человек «бутерброд». Без имени, без настоящего, а возможно, и будущего. Как ни крути, а начинать жизнь с чистого листа всё же было надо. И делать карьеру – надо! И вообще, делать что-то было надо!!! И Он ходил. Ходил и раздавал. Он не смотрел людям в глаза. Было стыдно. Бывшая должность охранника уже казалась раем, но Он не имел привычки возвращаться на прежние места работы. Рубашка под шерстяным пиджаком липла к телу. Левый ботинок натёр ногу. Стоять было нельзя. Только ходить. «Движение привлекает внимание! – Он вспомнил напутствие довольного собой молодого менеджера. – Ходите! За вами будут обязательно наблюдать!» Панибратски похлопав по плечу и водрузив на плечи «бутерброд», менеджер выставил его за дверь – делать карьеру.

Московский вечер принёс прохладу. В двадцать часов рядом с ним остановилась машина. Из неё выскочил менеджер с лучезарной улыбкой и подошёл к нему:

– Снимай! На сегодня всё! Завтра в офис за «бутербродиком» к девяти утра!

– Вы обещали платить ежедневно вечером. Дайте деньги, – сказал Он.

Менеджер вдруг изобразил страдание на лице:

– Простите! Я забыл их в спешке в офисе! Ничего, завтра заберёте за два дня сразу!

Бросив «бутерброд» в багажник, менеджер «сделал ручкой» и укатил.

Пора ехать домой. В двенадцать ночи Он открыл дверь квартиры. А в пять утра – снова вставать и отправляться делать карьеру. Ничего! Бывали на войне недели, когда Он спал много меньше! Вперёд! Уже сегодня вечером ему заплатят за два дня, и можно будет купить себе сигареты и, пусть самый дешёвый, кофе, который, отсыпав в пакетик, Он будет брать на работу.

В восемь сорок пять утра Он стоял перед пока ещё закрытой дверью фирмы. В девять двадцать дама средних лет, со скужающим выражением на лице, словно делая ему одолжение, открыла офис. С десятков молодых людей сдавали вчерашнюю выручку, брали новые пакеты и покидали офис.

Он представился даме. Та, поморщившись, сказала, чтобы Он быстрее брал свой «бутерброд», и, сунув ему в ладонь бумажку с сегодняшним маршрутом, закрыла за ним дверь.

Он ехал в метро, заслоня собой треклятый рекламный щит и сгорал от стыда. Ему казалось, что вся Москва смот-

рит ему сейчас в спину и думает: «Неудачник».

Он появился на маршруте в десять часов десять минут. Надел на себя «бутерброд», и в этот момент к нему подошёл хмурого вида мужчина:

– Чего опаздываешь? Я доложу об этом выше! Оказалось, что этот человек выполнял в фирме что-то вроде обязанностей соглядатая. В его задачу входило объезжать в течение дня точки, где бродили по городу люди «бутерброды». Такие же, как и Он. Объяснять ему, во сколько открыли офис, было бесполезно. Ответ «Меня это не касается!» был категоричен.

– В восемь вечера заеду. Рекламу заберу. И в течение дня покатаюсь рядом. Посмотрю, как ходишь. Сам когда-то так бродил. Теперь вот повысили.

Он стоял в замешательстве. Такого «повышения» Он не хотел. Делать нечего. Нужны деньги. Да и не в его правилах бросать только что начатое дело. Хуже другое. Он вдруг поймал себя на мысли, что сегодня стыдится своей работы меньше, чем вчера. И тут же ужаснулся: «Твоя карьерная лестница направлена вниз! Ты деградируешь, боевой офицер!»

К его удивлению, ровно в двадцать ноль-ноль из остановившейся машины вышел его новый хмурый знакомый:

– Снимай фанеру. Завтра в офис к девяти.

– А деньги?

– Не знаю. Это у верхнего своего спрашивай.

– А где он?

– На семинар какой-то уехал. Дней на пять. По повыше-

нию уровня продаж.

Разбить голову хмурому знакомому захотелось прямо сейчас. Удержало только то, что было не за что. Они оба – тупые исполнители чужой воли.

Бросить всё, послав хмурого и всю эту шарашкину контору по известному адресу, тоже хотелось. Но больше хотелось денег. А ещё – увидеть слащавого и заносчивого менеджера и заглянуть в его глазки, спрятанные глубоко между пухлыми и румяными щёчками. И он решил ездить и работать до тех пор, пока с ним не рассчитаются наличными. Сказано – сделано. Подъем в пять утра, контрастный душ, заканчивающийся ледяной струёй, и – в Москву!

На четвёртый день, рывкнув от души на не очень приятную даму, Он с удовлетворением отметил, что на пятый, шестой и седьмой день его работы она приходила открывать офис уже не в девять двадцать, а за несколько минут до девяти. Среди молодёжи появились новые знакомые, которые жаловались, что деньги, обещанные ежедневно, не выплачены до сих пор. Бродя «бутербродом» у разных станций метро, Он уже не стеснялся смотреть людям в глаза.

Нет, не привык, не смирился. Он думал, что всё, что ни делается, – к лучшему. Здесь, в Москве, Он понял, что зарабатывать деньги нестыдно. Стыдно не зарабатывать. И хмурый знакомый был уже не так хмур. Узнав, где Он живёт, стал заезжать за «бутербродом» на полчаса раньше, проставляя время окончания работы двадцать ноль-ноль.

Но усталость всё же брала своё, как ни крепись. На закате седьмого дня «быстрорастущей карьеры» Он наконец-то увидел вальяжного молодого менеджера, вылезающего из остановившейся рядом машины, наглости которого можно было подивиться.

Подойдя вплотную, тот привычным для него жестом хлопал его по плечу и сказал:

– Горжусь! Хвалю! Ни одного прогула, ни одного опоздания, кроме второго дня, но это мы легко спишем на вашу неопытность. Завтра к девяти!

– Где мои деньги?

Он прошипел эти слова настолько грозно, что менеджер невольно дал задний ход:

– Что вы, что вы! Где я сейчас их возьму? Войдите в моё положение: я прямо с семинара, уставший, – и сразу к вам! Цените!!!

Он взял его за лацканы по-идиотски блестящего пиджака и приподнял над асфальтом. Приподнял и несколько раз встряхнул.

– Где твой бумажник? – рявкнул ему в ухо.

– В пиджаке, карман... внутри... – икнув от неожиданности, пискнул тот в ответ.

Бережно поставив «мальчика» на твёрдую почву, Он достал из его кармана бумажник, отсчитал положенные ему за семь рабочих дней деньги – все до копейки. Закрыв его и сунул менеджеру в карман.

Тот молча наблюдал за происходящим, хлопая глазами. И... пролепетал:

– Ну, значит, завтра в девять?

Он снял с себя «бутерброд», повертел в руках и торжественно водрузил его на плечи ошалевшему начальнику. Похлопал по плечу и сказал:

– Теперь твоя очередь.

Обернувшись, заметил, как сидевший за рулём хмурый улыбнулся. Он помахал ему рукой и пошёл к метро. Сев в электричку, подумал, что завтра наконец-то выспится.

На следующий день, снова проснувшись ни свет ни заря, Он немного промаялся дома. Положил на сервант для жены и сына заработанные за неделю деньги, оставил себе мелочь на несколько пачек сигарет и ушёл в город. Он шёл искать работу. Он действительно хотел тогда стать настоящим мужчиной. Он убеждал себя, сидя на лавке с новыми газетами объявлений о найме на работу, взятыми у того же человека, что всё образуется. Что сквозь тернии – к звёздам! Что падают все, а поднимаются единицы!

Он с завистью смотрел на настоящих мужчин. Они были за рулём, из окон автомобилей гремела музыка... А Он сидел на лавке в парке в своём армейском камуфляже, в берцах и тельняшке. Проезжающим «настоящим» было не до него. У них в руках были только что появившиеся диковинные мобильные телефоны, пальцы украшали золотые печатки, шею – цепи. Он не хотел цепей и печаток. Он уже осознавал, что

в стране созданы все условия, чтобы хапать большие деньги с помощью лжи и обмана. Многие так и делали. Но Он хотел зарабатывать честно! И быть в числе мужчин, которые поступают именно так! Долг, совесть, честь – плевать, что многие, включая некоторых из власти предредающей, забыли об этом и только изредка появляются в храме со свечами с черенок лопаты, словно размер имеет значение...

Да, Он снова ошибся. А кто сумел подняться в жизни, ни разу не разбив себе лоб и колени? Да, Он хотел быть настоящим. Но честно. Не получилось... Да, Он ошибался. Но духом не падал.

Не понимал тогда, чем может обернуться желание быть идеальным. И оно обернулось. Через годы. В то время, когда Он уже любил свою Женщину. Именно тогда всё это и вылезло наружу. Быть настоящим. Всегда. Везде. В любой ситуации. Лучшим, самым-самым! Без изъянов, как новенькая, только со станка, денежная купюра! Чтобы придраться не к чему и осудить не за что было.

Дурачок! Из лучших побуждений – выглядеть круче, чем есть на самом деле – Он потерял свою Любовь. Он не смирился с потерей, но ведь потерял... Но и здесь что-то не складывалось в его голове в общую картину. Быть лучше, чем ты есть на самом деле, – разве это плохо? Становиться лучше, расти? Вместо того чтобы сказать «не могу», – взять и сделать! И, оказывается, – уже могу! Вместо «не знаю» – «я выясню!» Но уже сейчас Он понимал главное: быть лучше

и казаться лучше – две разные вещи. Быть идеальным и казаться таким... Но, разрази его гром, Он хотел стать лучше! Выражение «быть самим собой» ему не очень нравилось. Быть – значит затормозить на определённом этапе и перестать двигаться. Он не хотел быть таким, какой Он есть. Он хотел стать лучше, чем был.

Но и идеальным для своей Королевы Он хотел быть вопреки себе! Для неё!!! Себя пытался переделывать, становиться лучше. Чтобы гордилась! Уважала! А получилось то, что получилось. И всё равно: лучше делать и жалеть, чем... Он не жалел. Пусть так, чем никак вообще. В любом случае то, что было, – это уже история. И опыт. А на своих же ошибках полученный – лучший. Что Он делал не так? Но ведь делал! Не сидел на печке со старыми убеждениями – «А что я ещё могу?» Он искал пути, значит, жил. Он хотел честно зарабатывать деньги и пытался найти возможности. Не ошибается только покойник или тот, кто вообще ничего не делает. Это им всё равно. Он – другой. К сожалению, тогда Он неправильно понимал, как сделать так, чтобы сегодня стать лучше себя вчерашнего. Не корысти ради тогда Он начал играть роль успешного мужчины. Настоящего, как он тогда думал. Роль, как Он сам себя успокаивал, взятая на время, напрокат, неожиданно прочно вошла в его жизнь. Так быстро, что Он даже не заметил, когда стёрлась грань между «Я играю» и «Я живу».

...Сейчас, ночью, когда шариковая ручка переносила его

мысли на листы бумаги, он осознал, что заигрался. Теперь Он сам себе устраивал «разбор полётов» и ставил заслуженные справедливые оценки. Смотрел, вглядывался в своё отражение в зеркале, которое специально поставил перед собой на стол. Говорил с собой. Жёстко. Безапелляционно. Он позволил себе судить самого себя. И на этом заседании адвокатам в присутствии было отказано. Только обвинение. Решение по делу вынесла сама жизнь. Они расстались. Он и его Любимая Женщина.

Да, Он заигрался. Только сейчас Он понял, что же так раздражало его Женщину. Напускная показуха. В такие моменты Он думал: «Да что же это, в конце концов!»

Другая на её месте была бы на седьмом небе от счастья! Вот тебе то, вот это. Вот тебе пятое, вот десятое... Но Она была не другая. И была Она на своём месте. И не могла смириться с тем, что её мужчина играет какую-то роль. Если играет здесь и сейчас, то и за тысячу километров от неё происходит то же самое. Безусловно, Она ценила всё, что Он для неё делал, но Он играет... И что-то здесь не так. И как такому человеку можно довериться?

Он понял это. Жизнь научила. Жёстко. Очень жёстко. Любимая им Женщина и Он уже не вместе. И это было не наказание. Урок. Сделаешь выводы, нет, – решать тебе. Он сделал. И благодарен за это своей Любимой.

Смеясь над собой, Он говорил: «Посмотри! Живут же люди нормально! Без самокопаний, самоедства! Работают,

влюбляются, расстаются... Чего ты сам от себя хочешь? Перестань терзаться идиотскими вопросами, живи как все!» И вот здесь благодущие исчезало. Не мог Он «как все». Не хотел. А если чтото не получалось, не срасталось, начинал искать оправдание самому себе. Не жалеть себя, а оправдываться. И вроде бы невзначай, но... Противно. Потом Он всё исправлял, и выходило даже лучше, чем задумал вначале, но... Перестать оправдываться пока не получалось. Получится! Теперь Он точно знал это. И получится обязательно. И всё равно, как и всегда, в его жизни вопросов оставалось больше, чем ответов. И это радовало.

Настоящие мужчины не плачут. Настоящие мужчины хмурятся, сердятся, огорчаются, кривят губы и физиономию, но не плачут... Бред! Какой бред!!!

Он плакал. Много. В те дни, когда расстался со своей Женщиной. Никто не видел его слёз, кроме него самого. Он решил в те дни перестать быть настоящим. Решил оставить за собой право называться просто мужчиной.

Таким, какой есть. Таким, каким станет. Главное, что Он знал, – хуже не будет. Будет только лучше. Надо просто перестать бежать за несуществующим в природе эталоном с названием «настоящий мужчина». Просто быть мужчиной. И жить. Жить и работать. Работать и двигаться вперёд. И тогда улыбнётся солнце, засияет радуга и станет легче на душе. Потому что нужна бестолково крутиться и бегать за своим хвостом в надежде поймать его и понять бессмысленность

этой затеи уже отпала.

* * *

Конец сентября. 2011 год. Санкт-Петербург. На Невском проспекте они нашли уютное кафе. Там варили, наверно, самый лучший в мире американо с двойными сливками! Они пили этот ароматный напиток и смотрели друг другу в глаза. Только что они сказали слова, которых Он боялся больше всего на свете: «Мы не понимаем друг друга...» Только что. И уже второй раз за три года. Больно хлестнуло. Наотмашь: «...Нам надо расстаться».

Она плакала. Он смотрел в её голубые, такие красивые и родные глаза и судорожно, глоток за глотком, вливал в себя кофе, пытаясь протолкнуть жуткий комок, который камнем стоял в горле и мешал дышать. Слезы... Они сами подступили к глазам и предательски сверкнули на ресницах. Он отвернулся.

«Что? Нет, Солнышко! Я не плачу. Соринка попала в глаз. Не надо обманывать? Не буду. Просто кофе очень горячий. Вот я и прослезился».

Не поворачиваясь к ней лицом, Он взял со стола сигареты и вышел из кафе на Невский проспект. Горький табачный дым сделал то, что не смог сделать кофе. Комок, колом стоявший в горле, вдруг провалился. По щеке скользнула и упала на асфальт предательская слеза.

Из открытого окна рядом припаркованного автомобиля пел Григорий Лепс: «...Не хочется смотреть, как мы с тобой убиваем свою любовь...» Судорожно сжимая скулы, он глотал воздух Санкт-Петербурга пополам с сигаретным дымом, пытаясь погасить в себе дикое желание дать волю чувствам, чтобы не расплакаться!!! Какое, к лешему, расплакаться! Разрыдаться!!! Умом Он понимал, что они разные. Душой не мог понять, почему должен потерять её. Странная штука – ЛЮБОВЬ!

Кафе на Невском было таким уютным и тёплым, что им не хотелось оттуда уходить. Он не мог оторвать от неё взгляда, и вдруг Она сказала: «Дай руку!»

Он протянул ей ладонь.

Она крепко сжала её и долго не отпускала. Несмотря на всё безумство происходящего, несмотря на то, что ровно через четыре часа Он проводит её на поезд и, может быть, не увидит больше никогда в жизни, Он был счастлив. От тепла её пальцев. От грустных, но таких родных глаз. От взгляда, который был уже не так нежен, но направлен на него. От аромата её духов, который так шёл ей, его Женщине! Её запах... Без всяких духов Он просто обожал её запах! Так, как пахла Она, не пахнет ни одна женщина в мире!

Он любил время, когда Она, сжавшись в комочек, тихонько спала рядом с ним в постели. А Он, уткнувшись в её длинные роскошные волосы, вдыхал аромат любимой Женщины. «Аромат сказки» – так Он называл её запах. Сказочный за-

пах своей любимой Женщины, которая пахнет сказкой и загадкой. И расшифровать это Он мог только сам. Даже ей Он не рассказывал о своих ощущениях. Тем более не рассказывал об ассоциациях с ароматом сказки и загадки. Почему? Он просто опасался услышать то, что слышал уже неоднократно: «Ты пугаешь меня. Я совсем не такая, какой ты меня себе придумал». А Он ничего и не придумывал. Он видел её такой. Чувствовал такой. Дышал ею такой. Жил ею такой. И растворялся в ней. Просто потому, что любил. Сильно.

Как же сильно Он её любил! Когда-то, в самом начале их знакомства, Она сказала ему слова, которые Он запомнил на всю свою жизнь: «Меня можно взять только лаской, заботой и вниманием». Да Он об этом только и мечтал! Он уже был влюблён в неё как мальчишка. Пылко и страстно. А как зрелый уже мужчина очень хотел окружить её всем тем, что ей было необходимо. Вниманием, заботой и лаской. И Он делал это. Несмотря на расстояние, разделявшее их. И абсолютно не понимая Божий промысел – поселить их за тысячу километров друг от друга и в разных странах. Зачем? Зачем?? Зачем??? Он спрашивал это у Небесного Отца. Он ждал ответа. Его не было. Небеса упорно молчали: «Зачем??? Если Ты утверждал, что миром правит Любовь, почему эта Любовь так далеко от меня? Почему я не имею возможности видеть её, ласкать, целовать и баловать каждый день? Почему? Почему именно так, а не иначе?» Но Небеса были либо глухи, либо немы. И раз за разом Он приходил к выводу, что ответ

на свой вопрос Он должен найти сам. В себе. Просто надо продолжать искать. И не сдаваться.

В их отношениях случались размолвки. Иногда серьёзные. Но Он помнил, что сказала его Женщина: «...Только лаской, заботой и вниманием!» Искушения подать себя в лучшем, чем есть на самом деле, виде иногда были. Он делал это. И горько потом жалел. Корил себя. Ругал. Но Он не хотел да и не умел врать. И даже мысли не допускал о хитрости, лести и лжи по отношению к своей Женщине. Он даже на секунду не мог представить себе, что крепость может быть взята обманом и лестью. Не мог, да и не умел Он «вешать лапшу на уши». И очень гордился тем, что его Женщина была всегда правдива и откровенна с ним. Всегда! Он мысленно ставил ей высшую оценку по этому пункту. И поступал с ней точно так же.

Прожив на этом свете уже сорок шесть лет, Он прекрасно знал, почему женщины красятся, а мужчины врут. Женщины любят ушами. Мужчины – глазами.

Влюбляются мужчины в то, что видят, а женщины – в то, что слышат. И именно поэтому, расставшись, мужчина уходит к той, что внешне гораздо привлекательнее и моложе предыдущей, не поняв, не сумев оценить душевных качеств женщины, которая делила с ним кров, стол и постель.

А многим и не нужна была эта женская душа. Некоторые же просто туда плевали и гадили. А женщина, осознав, что всё обещанное оказалось мифом, миражом и ложью, поче-

мудо уходит, как это ни дико звучит, за очередным обещанием рая на земле.

А Он не хотел, подобно античному герою, взять свою Троию с помощью хитрости троянского коня. Это претило его естеству. Его убеждениям.

Искренне любя и ещё глубже уважая свою Женщину, Он хотел быть и был с ней честен. Обмануть её, перехитрить – это было для него сродни предательству. А как можно предать свою Любовь? И кто ты будешь после этого? И как потом с этим жить?

Когда Он вспоминал её глаза, вглядывался в них на фотографиях, у него на душе становилось теплее. Он улыбался. В эти моменты Он был абсолютно счастлив. В его жизни была и остаётся настоящая Любовь. И даже мысли о том, что разлука может прийти неожиданно, Он просто не допускал. Не допускал, хотя Она не раз говорила ему, что это всего лишь жизнь. И в ней может случиться всякое... Всякое... Ерунда! Он улыбался в ответ: «С кем-то может, но не с нами». Тогда Она тоже улыбалась в ответ.

* * *

Домой сегодня Он поехал на такси. Пронзительный ветер, снег... Мёрзнуть хотелось меньше всего. Уютный тёплый салон машины... А из динамиков – песня в исполнении Анжелики Варум:

Ах, как хочется вернуться,
Ах, как хочется ворваться
В городок!..
На нашу улицу в три дома,
Где всё просто и знакомо,
На денёк...

Войдя в квартиру и закрыв за собой дверь, Он переоделся, включил телевизор и открыл холодильник.

Повешенной мыши там, конечно, не было, но ужин «накрылся медным тазом». Заботы рабочего дня напрочь выбили из головы запланированное заранее – зайти в магазин и купить продукты. Как давно Он не готовил себе нормальную домашнюю еду! Пельмени и блинчики с мясом неизвестного происхождения, тушёнка с хлебом, кильки в томате, морковь по-корейски... Съесть на ходу что-нибудь, даже не почувствовав вкуса, стало дурной привычкой, и с этим надо было что-то делать.

Снова одевшись и заперев дверь, Он вышел в метель. Жёсткий снег ударил в лицо. До супермаркета было недалеко, и Он шёл, мурлыча себе под нос:

Ах, как хочется вернуться,
Ах, как хочется ворваться
В городок!..

До конца не осознавая, почему напевает именно эту песню, Он вдруг начал чувствовать разливающееся по всему телу тепло. Людей в супермаркете было очень много. Ещё бы! Новый год не за горами!

На фоне тележек, заполненных икрой, копчёной колбасой, шампанским, водкой, коньяком, ананасами, маслинами, шоколадными конфетами, его корзина с картошкой, курицей, рисом, капустой, морковью и луком смотрелась несколько убого.

На нашу улицу в три дома,
Где всё просто и знакомо,
На денёк...

Он шёл домой с пакетом в руке и по дороге прикидывал, как, разделив курицу на части, поставит вариться бульон, а кусочки без костей сразу опустит в раскалённое масло в гусятнице и начнёт готовить плов.

До шеф-повара элитного ресторана ему было далеко, но готовить Он умел. Раньше – любил. Потом делал это просто по необходимости, предпочитая здоровую домашнюю еду той, что приготовлена в кафе.

Ах, как хочется вернуться!..

Снял пену с закипевшего бульона, уменьшил газ. Очистил картошку и морковь. В гусятнице обжарил куриное мясо,

замочил рис и сухие белые грибы, нарезал лук полукольцами...

Его буквально осенило, когда Он вспоминал слова песни. Напевая, Он вдруг ясно увидел этот городок... и улицу в три дома... До переезда в большой южный город его Любовь жила именно там – в маленьком городке. Городке, куда Он приехал, как только Она позвала его. И именно в это время, в конце декабря.

Продолжая колдовать над щами и пловом, Он вдруг ясно увидел перед собой улицы, дома, магазины и рынок. Подъезд, в котором жила его Любовь, и дверь в её квартиру, которую Он хотел утеплить, но так и не сделал этого. И сейчас пожалел – надо было всё же сподобиться. И подъезд дома напротив, где жила её мама. Третий этаж, дверь направо...

До боли в сердце захотелось сейчас туда. В городок. К ней, к его Женщине. Гулять по полупустым улицам было особо негде, но они гуляли. Несколько раз пили чай и кофе в кафе гостиницы. Она говорила ему тогда, что это единственное кафе в городе, в котором Она может спокойно посидеть и привести мысли в порядок. И ему захотелось сейчас зайти именно туда. И посидеть за тем же столиком. И заказать кофе...

Бульон был готов. Прозрачный, он принял в себя нарезанный кубиками картофель. В гусятницу отправился лук. Через пять минут – нарезанная соломкой морковь. Квартира наполнялась запахом живой еды. И только одно это уже де-

лало её обитаемой. Нет, и раньше подобный аромат иногда наполнял её, но разве сравнишь его с запахом расплзшихся по тарелке сосисок, наспех разогретых в микроволновой печи!

Когда Он был у неё в гостях, готовил тоже. До сих пор помнит, как мама, добрая и милая женщина, с интересом наблюдала за его действиями на кухне из-за двери. А потом они вместе сидели за одним столом...

Это было так по-домашнему! И Он захотел снова оказаться там. Чтобы необыкновенное тепло его Женщины было рядом, а её удивительный запах будоражил обоняние и воображение.

Бульон с картофелем был почти готов. Туда отправилась зажарка из моркови и лука. Следом – тонко нашинкованная капуста, грибы и зеленый горошек. Десять минут – и можно солить, добавлять лавровый лист. И щи по-королевски будут готовы. В гусятнице уже находились мелко нарезанные грибы, рис, барбарис, специи. На высоту двух пальцев сверху налита горячая вода. Не забыты и несколько зубчиков чеснока, и курага для нежного послевкусия, усиливающая аромат мяса. Еда на неделю была почти готова.

Ах, как хочется вернуться!..

Попробовав всего понемногу, пока готовил, Он почувствовал сейчас, что аппетит пропал совсем.

Половина одиннадцатого вечера, и его Любовь, если бы Он начал сейчас есть, отреагировала бы сразу: «В такое время?!» Удобно устроившись на разобранном для сна диване, Он смотрел на экран телевизора, а видел городок, в котором, хоть и в трудные для его Женщины дни, Он был счастлив. Рядом с ней. Вместе с ней. В городке.

– Ах, как хочется вернуться... – пробормотал Он и уснул.

* * *

Они расстались. Больно было так, что иногда казалось – можно завывать от тоски, одиночества и безысходности. Он держался. Никто из тех, кто окружал его, даже представить себе не мог, какие бури и ураганы разрывали его душу. Он держался. Насиловал себя в спортзале, с головой погружался в работу. Но бывали дни, когда тоска и печаль настолько сильно одолевали его, что Он просто физически не мог ничего делать. В эти дни Он сидел за столом и безучастно смотрел в окно. Изредка коекто из коллег, проходя мимо, задерживался рядом с ним и задавал дежурный вопрос: «Ты в порядке?» И тогда Он широко улыбался и отвечал: «Да! Просто задумался». А перед глазами стояла Она. Его Женщина. И память, как киноленту, крутила перед взором, кадр за кадром, моменты жизни. Его жизни.

По натуре своей Он был замкнутым и закрытым со многими, особенно с мало знакомыми ему людьми. Хотя так бы-

ло не всегда. В молодости – душа нараспашку, Он делился всем, даже самым сокровенным, с друзьями за рюмкой водки или коньяка. С годами Он понял непреложную истину: этого делать нельзя! Жизнь – самый лучший учитель. И она научила его. Довольно жёстко. Восьмидесяти процентам людей, которым ты откроешь свою душу, вообще наплевать на твои проблемы, чаяния и личную жизнь. А двадцать процентов ещё и порадуются твоим неудачам. Хорошо, если просто порадуются сами. Больше никогда Он не будет делиться тем, что творится в его душе, ни с кем! Он не станет обсуждать свою личную жизнь ни с женщинами, ни тем более – с мужчинами. Так как с годами понял, что у последних не менее гадкий и болтливый язык, чем у некоторых дам.

Эти его замкнутость и закрытость порой сильно раздражали его любимую Женщину. «Надо разговаривать! Говорить!» – уверяла Она, но не могла до конца понять, почему Он ведёт себя именно так, а не иначе. А на это были свои причины. И очень глубокие. Они затрагивали самое сокровенное, что было в его душе, в которую однажды плюнули и нагадили так, как не может плюнуть и нагадить даже целый полк солдат. И сделал это в прошлом дорогой и близкий, как Он тогда считал, человек. От которого Он меньше всего на свете ожидал подлости, низости и предательства.

Но, как это часто бывает в жизни, предают самые близкие – те, кому больше всего доверяешь. Это и есть горькая, но правда! И Он просто боялся. Боялся говорить со своей

Женщиной о сокровенном! Боялся! И ещё больше боялся признаться ей в своём страхе. Да!!! Это правда!!! Потому что когда-то, начав говорить о наболевшем и сокровенном с близким тогда ему человеком и надеясь если не на понимание, то хотя бы на участие и сострадание (Да! Да! Мужчинам это тоже иногда необходимо!), он получил в ответ лишь насмешки!

А уже через несколько дней многие из его знакомых перешёптывались у него за спиной, хихикали и показывали в его сторону пальцем.

Слухи и сплетни росли как снежный ком, множились. И вот ему уже смеются в лицо. И открыто обсуждают его личную жизнь. Несколько раз, не выдержав, Он пустил в ход кулаки, и двое из его бывших друзей оказались на полу с разбитыми носами, а один – ещё и со сломанной челюстью, но это только подлило масла в огонь. На душе легче не стало, зато стало больше слухов и сплетен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.